

Сергей Васильев

д.э.н., профессор, научный
руководитель Санкт-Петербургского
филиала НИУ-ВШЭ

Теория социальных порядков: новая парадигма для исследований и практики.

Опубликованная в 2009 году книга Дугласа Норта, Джона Уоллиса и Барри Вайнгаста «Насилие и социальные порядки» стала заметным явлением в сравнительно новой и быстроразвивающейся отрасли обществоведения, которая, на мой взгляд, несколько неточно называется исторической социологией.

Предметом исследования здесь является эволюция сообществ, формирование и развитие общественных институтов, их влияние на технологическое, экономическое и социальное развитие.

Бурное развитие исторической социологии определяется двумя факторами. Во-первых, очевидной пространственной и временной ограниченностью институциональных предпосылок, лежащих в основе современной экономической науки (в том виде, в котором ее преподают в университетах). Во-вторых, достижениями смежных наук: экономической истории и антропологии как с точки зрения появления новой информации, так и ее интерпретации.

В ряду работ, оказавших значительное влияние на формирование нового направления, следует указать также на работы Егора Гайдара «Долгое время» и Джеймса Робинсона и Дарона Аджемоглу «Происхождение власти, процветания и бедности» (Почему одни страны богаче, а другие беднее). На этом фоне «Насилие и социальные порядки» представляется наиболее интересным опусом, поскольку содержит в себе новую научную парадигму, а именно концепцию порядков ограниченного и свободного доступа.

Согласно Норту, Уоллису и Вайнгасту история знает три типа социальных порядков: примитивный порядок, характерный для доисторических обществ, порядок ограниченного доступа или естественное государство, возникшее в результате неолитической революции, и наконец, порядок открытого доступа, формирующийся в процессе современной промышленной и научно-технической революции.

В книге отсутствует развернутое определение порядков ограниченного доступа и порядков свободного доступа. К порядкам свободного доступа авторы относят двадцать стран имеющих максимальный индекс развития демократии Polity IV.

Более содержательное определение связывает порядок ограниченного доступа с господством социальных отношений, основанных на личных связях, привилегиях и социальных иерархиях, выборочным применением права, незащищенностью прав собственности. В противовес этому порядку свободного доступа предполагают господство безличных социальных отношений, верховенство права, защиту прав собственности.

Совсем уж просто различия можно объяснить следующим образом: порядки ограниченного доступа это государства для элит, а порядки

свободного доступа – это государства для всех.

Преимущества нового подхода.

Использование этого подхода к изучению эволюции сообществ имеет целый ряд очевидных преимуществ.

Во-первых, он не опирается на концепцию общественно-политических формаций, по поводу которой современные обществоведы никак не могут договориться.

Во-вторых, этот подход не связан с цивилизационным подходом исторической социологии, хотя ему и не противоречит. Концепция естественного государства позволяет объяснять многие особенности исторического развития, не прибегая к таким терминам как «культурный код» или «национальная матрица».

В-третьих, этот подход хорошо объясняет неудачи страновых реформ связанных с импортом институтов.

Короче говоря, концепция порядков доступа основана на очень общих и простых предпосылках, но зато обладает большой "разрешающей мощностью" в интерпретации общественных явлений.

Удивительно, что при всех этих достоинствах широко известная в научной среде концепция Норта, Уоллиса и Вайнгаста до сих пор не стала эффективным инструментом исследования в гуманитарных науках. Мне кажется, что настала пора изменить ситуацию.

Порядки ограниченного и свободного доступа.

Ключевая позиция Норта, Уоллиса и Вайнгаста состоит в том, что порядки ограниченного доступа являются в мире нормой, а порядки свободного доступа – редким исключением, к тому же возникшим сравнительно недавно. Поэтому ключевым предметом исследования является логика возникновения и развития порядков ограниченного доступа, или естественных государств.

Норт, Уоллис и Вайнгаст определяют проблему насилия как ключевую в процессе формирования государств. По их мнению, естественное государство представляет собой результат соглашения элит с целью минимизации насилия в обществе. Формирующаяся коалиция элит основана на взаимном признании доступа к ресурсам и соответствующим рентным доходам.

По моему мнению, авторы преувеличивают роль насилия в формировании естественных государств. В протогосударственных сообществах существовали надежные способы предотвращения насилия, никак не связанные с соглашениями элит (поведенческий контроль общины, религиозные запреты). Насилие внутри сообществ стало важным фактором постепенно, по мере того, как возникала военная специализация для ведения внешних войн, совершенствовалось оружие, и возникали территориальные сообщества в противовес родовым. Во всяком случае, ранние государства со вполне сложными общественными механизмами долго функционировали при минимальном уровне внутреннего насилия.

Вообще термин насилие является неудачным. Здесь правильнее было бы использовать термин принуждение. Под это определение подходит и достоверная угроза насилия, и так называемая «рассеянная санкция» (неодобрение коллектива, наиболее эффективное в малых сообществах) и религиозные санкции (от наведения порчи шаманом до отлучения от церкви), с нынешней точки зрения вполне виртуальные, но абсолютно реальные для объектов таких санкций.

Тем не менее, подход к естественному государству как к инструменту коалиции элит по распределению ренты является вполне операциональным и позволяет лучше понимать общественную динамику. Коалиции элит являются весьма неустойчивыми образованиями: изменения внешних условий влияют на размеры ренты и их распределение между членами коалиции, приводят к изменению условий соглашений элит и даже к составу их участников.

Норт, Уоллис и Вайнгаст выделяют три типа естественных государств по их способности поддерживать организации: хрупкие, базисные и зрелые. Хрупкие естественные государства неспособны поддерживать любые организации. Базисные государства способны поддерживать организации только в рамках самого государства. Зрелые государства могут поддерживать организации, не находящиеся под их непосредственным контролем.

Важным элементом концепции Норта, Уоллиса и Вайнгаста является то, что не существует исторического вектора в развитии естественных государств от хрупких к базисным и зрелым. Нет никаких препятствий для того, чтобы зрелое естественное государство вернулось к базисному состоянию, а базисное государство стало хрупким. Скорее всего, со временем растет доля базисных и зрелых государств (здесь нужны специальные замеры), однако все равно приходится задуматься о том, существует ли общественный прогресс.

Что касается порядков свободного доступа, то Норт, Уоллис и Вайнгаст определяют пороговые условия, при которых возможен переход от естественного государства к порядку свободного доступа. Это верховенство права для элит, бессрочно существующие организации в общественной и частой сферах и консолидированный контроль над вооруженными силами. (Я полагаю, что это слишком узко – надо сформулировать как контроль над силовыми структурами).

Достижение пороговых условий было прослежено Нортом, Уоллисом и Вайнгастом в трех странах, которые перешли к порядку свободного доступа раньше других: это Англия, США и Франция. Причем переход произошел практически одновременно: в середине 19 века. Формула перехода такова: привилегии элиты становятся правами для всех.

Норт, Уоллис и Вайнгаст предлагают следующую трактовку этого процесса – создание парламентских систем в условиях ограниченных избирательных прав создавало угрозу того, что некоторые группировки элиты монополизуют представительную власть, а расширение избирательных прав стало средством размывания влияния этих групп.

Сходные механизмы действуют и при переходе к свободе создания корпораций. Разрешительный порядок создания корпораций приводил к монополизму в экономике, так что значительная часть элиты поддержала переход к регистрационному порядку.

Тем не менее, отсутствие системных объяснений перехода к порядкам свободного доступа заставляет рассматривать эти порядки как некоторую мутацию общественной системы аналогичную античности, тем более что античная традиция возникла и сохранилась именно в Европе. Другим аргументом в пользу теории мутации является крайняя малочисленность стран с порядками свободного доступа. При этом у стран догоняющего развития существовали серьезные стимулы для подобного перехода, поскольку страны-пионеры, особенно США и Великобритания демонстрировали преимущество в экономическом развитии и военное превосходство.

Распространенность порядков свободного доступа.

Среди стран, относимых Нортон, Уоллисом и Вайнгастром к порядкам свободного доступа, можно выделить ядро - те страны, относительно которых нет сомнений в их принадлежности к порядкам свободного доступа, и периферию – страны, относительно которых такие сомнения есть.

К ядру мы относим США, Великобританию и её бывшие доминионы, Скандинавию, Бенилюкс, Францию, Германию, Швейцарию, Италию, Португалию. Сомнения вызывают Испания, Австрия и Чехия, за пределами Европы – Корея и Тайвань.

Поясним подробнее: Испания по виду уже к началу нулевых годов была порядком открытого доступа. Однако порядок открытого доступа плохо сочетается с нежеланием кастильской элиты предоставить права самоопределения Каталонии и Стране Басков. В Австрии доля населения, голосующего за крайне правую партию, демонстрирует готовность страны вернуться в статус естественного государства. Чехия скорее всего является порядком свободного доступа, но проблема здесь в том, что в малых странах формальные механизмы порядков свободного доступа могут скрывать сговор элит по разделу рент и этот сговор может быть выявлен только глубоким социологическим исследованием.

Корея – единственная неевропейская страна, безоговорочно признаваемая Нортон, Уоллисом и Вайнгастром порядком открытого доступа. Формально это так. Смущают два фактора – разделенность нации и сильная политическая зависимость от США. Еще в большей степени это относится к Тайваню. Япония упоминается Нортон, Уоллисом и Вайнгастром в числе порядков свободного доступа, однако не везде и несколько стыдливо: в стране до сих пор действует полупартийная система. Из неевропейских стран я бы отнес к порядку свободного доступа, с некоторыми оговорками, Уругвай и Коста-Рику.

Важно подчеркнуть еще один фактор – время перехода к порядкам свободного доступа. Совершенно очевидно, что для США это не середина 19 века, а середина 20 века – какой может быть порядок свободного доступа, когда негров не пускают в автобусы для белых. В Германии переход произошел только в конце 70-х годов (окончание процесса денацификации), в Швеции – в 80-е гг., в Италии – в начале 90-х (в обеих странах - переход к реальной многопартийности). Время перехода придется еще в большей степени скорректировать с учетом предоставления избирательных прав женщинам. Кое-где это произошло еще в начале XX века, но в массовом порядке - только после первой мировой войны.

Итого за сто лет исторического развития у нас накопилось не более двадцати бесспорных случаев перехода к порядкам свободного доступа. В общем, порядки свободного доступа до сих пор остаются редким политическим феноменом.

Устойчивость порядков свободного доступа.

В отличие от порядков ограниченного доступа порядки свободного доступа характеризуются высокой стабильностью. Причины этого в принципе понятны: для порядков свободного доступа характерны безличные отношения, воплощающиеся в устойчивых институтах. Политический контроль над силовыми структурами препятствует

попыткам насильственного изменения политического порядка.

Принципиальным вопросом является перспектива долгосрочной стабильности порядков свободного доступа. Надо отметить, что политические предтечи порядков свободного доступа – античные республики имели ряд их качеств, были чрезвычайно конкурентоспособными в тогдашнем военно-политическом пространстве и весьма устойчивыми. В то же время, с течением времени механизмы полисной демократии не смогли справиться с новыми вызовами и трансформировались в иные политические формы.

Не вдаваясь глубоко в проблематику устойчивости порядков свободного доступа, укажем здесь на ряд факторов, оказывающих в настоящее время негативное влияние на стабильность подобных режимов. Это, во-первых, феномен «глубокого государства», отражающий выход бюрократии из-под политического контроля, и, в дополнение к этому, снижение избирательной активности населения, кризис традиционной системы политических партий. Это, во-вторых, радикальное изменение информационного пространства, облегчающее манипулирование общественным сознанием (феномен постправды). Это, в третьих, фактическое исчезновение общественных классов и чрезвычайная фрагментация социальной среды, затрудняющая межгрупповую коммуникацию и выработку общенационального политического консенсуса.

Порядки свободного доступа, промышленная революция и экономический рост.

Подчеркивая единство промышленной и социальной революции нового времени, Норт, Уоллис и Вайнгаст однозначно ставят социальные изменения впереди технологических. Они специально подчеркивают, что существенное увеличение темпов экономического роста произошло только во второй половине 19 века, уже после перехода первых трех стран к порядку свободного доступа. Тем более это справедливо для показателей уровня жизни населения.

В этой позиции Нортона, Уоллиса и Вайнгаста есть определенное лукавство. Действительно, лидеры перехода к порядкам ограниченного доступа раньше других добились высоких темпов экономического роста. Действительно, среди наиболее развитых стран по уровню ВВП на душу населения абсолютное большинство составляют страны с порядком свободного доступа. И, наконец, эти страны демонстрируют наиболее стабильный экономический рост.

Но эти сравнения маскируют объективные неравномерности экономического развития, разновременность вступления различных стран на путь индустриализации. Они игнорируют высокие темпы развития в ряде стран с порядками ограниченного доступа, например в имперских Германии и России накануне первой мировой войны, в Японии, Италии и Испании после второй мировой войны, и, наконец, в новых индустриальных странах в начале 21 века.

В любом случае в наше время экономические и социальные преимущества порядков свободного доступа уже не выглядят такими абсолютными, какими казались всего 30 лет назад.

Порядки свободного доступа и европейская политическая

традиция.

Норт, Уоллис и Вайнгаст признают некоторую односторонность своей аргументации по поводу предпосылок перехода. Они упоминают Эпоху Просвещения, которая сформировала интеллектуальные предпосылки для перехода к порядкам свободного доступа, но не считают эти интеллектуальные предпосылки решающими. Это довольно странно: в другом месте они упоминают институты, социальные нормы и убеждения как конституирующие факторы социального порядка.

Практически не возникает вопросов, почему переход к порядкам свободного доступа произошел именно в Европе. Перечень европейских феноменов, не присутствующих в иных политических системах, огромен. Афинская демократия, Римская республика и римское право, автономная от государства католическая церковь, рецепция римского права и великая хартия вольностей, самоуправляющиеся города, раскрепощение крестьянства, реформация, просвещение - наверное, этот список может быть расширен.

Особенно важной представляется преемственность порядков свободного доступа и античных общественных институтов. Понятие народного суверенитета, механизмы разделения властей, гражданское и публичное право - все это было опробовано в античности и практически постоянно присутствовало в европейском общественном дискурсе. Равным образом все это было совершенно чуждым для неевропейских общественных систем.

С этой точки зрения порядки свободного доступа представляют собой чисто европейский феномен и вообще неочевидно, что эти порядки могут поддерживаться в неевропейских странах, за исключением случаев массовой европейской колонизации. На фоне европейской традиции Южная Корея выглядит исключением, но вполне объяснимым: христиане являются самой многочисленной конфессией страны (29%, из них протестанты - 18%, католики - 11%). Буддисты составляют здесь всего 23% населения, 46% - атеисты.

Эволюция естественных государств.

Естественные государства до сих пор составляют подавляющее большинство государств мира и, по-видимому, будут им оставаться. Поэтому важнейший вопрос для исследователей касается эволюции этих государств, причем не только в отношении переходов от базисного к зрелому и обратно. Ключевой вопрос состоит в том, что динамика порядков ограниченного доступа в эпоху индустриализации радикально изменилась.

Основной формой ренты в аграрных государствах была аграрная рента. Гораздо реже здесь возникали торговая рента (монопольное положение на торговых путях) и ресурсная рента (например, соляные копи). Стабильность традиционных аграрных государств и их консервативное социальное устройство были связаны с устойчивостью источников ренты. Поэтому, например, модель аграрной империи мы видим на протяжении нескольких тысячелетий практически в неизменном виде.

Совсем по-другому обстоят дела в индустриальном, а тем более в постиндустриальном обществе. Быстро изменяются производительность труда и отраслевая структура экономики, условия внешней торговли. Это означает, что коалиции элит становятся менее устойчивыми и нарастает нестабильность порядков ограниченного

доступа.

Классический пример подобной нестабильности демонстрировали страны Латинской Америки в XX веке. Собственно многочисленность военных переворотов и говорит о постоянном кризисе «соглашения элит» - прежде всего в связи с радикальным уменьшением масштабов аграрной ренты. Как только конфликты в элитах становятся непереносимыми, в процесс вмешиваются вооруженные силы и принудительно устанавливают «новое» равновесие. Разумеется, при этом, не забывая о собственных интересах.

В процессе этого периода турбулентности элиты ищут новые устойчивые источники ренты.

Первый из них – бюджет. Нарастание бюджетных расходов под предлогом решения социальных проблем – прекрасный способ распределения ренты. Причем опережающими темпами растут инвестиционные расходы – здесь легче пилить. Впрочем, неинвестиционные расходы в социальной сфере тоже являются полезными, позволяя выстраивать систему клиентских отношений.

Второй источник – национализация крупных компаний и создание государственных корпораций. Присвоение ренты происходит здесь еще более эффективно, потому что нет парламентского контроля, как в случае с бюджетными расходами.

Третье направление – широкое распространение системы лицензирования видов деятельности, причем количество лицензий может быть ограниченным, что создает дополнительные источники ренты. (Яркий пример – лицензирование такси и конфликты, связанные с «уберизацией» этого бизнеса). В определенном смысле лицензирование видов деятельности является пережитком цеховых институтов.

Наконец важную роль в этой системе играют профсоюзы. Они вовлекаются в коалицию элит, получая в управление системы социального страхования и право ограничивать доступ на рынок труда.

Дополнительным способом защиты рент становится торговый протекционизм, изолирующий неэффективные государственные компании от мирового рынка.

Наряду с вышеперечисленными рентами, которые я бы назвал структурными или первичными, во всех порядках ограниченного доступа имеются также регулятивные (или вторичные) ренты. Законодательство и подзаконные акты формулируются таким образом, чтобы была максимизирована рента регулирующего органа. Эта рента может быть вполне легальной (например обязательная сертификация продукции в государственных центрах) или же просто коррупционной – когда нечеткость регулятивных формулировок используется для вымогательства. Впрочем, это сложно назвать вымогательством – обычная деловая практика.

Подобные ренты могут функционировать только в рамках коррупционной иерархии, структурно совпадающей с иерархией регулирующего органа. Коррупция в такой системе становится всеобъемлющей и собственно не может быть названа коррупцией, а представляет собой способ функционирования системы.

Эта структура источников ренты является достаточно динамичной. Своего апогея, как представляется, система достигла в латиноамериканских странах в середине XX века, поддерживаемая экономическим национализмом, этатистской идеологией и концепциями импортозамещения. В дальнейшем при нарастании экономических

дисфункций присущих этой системе и под давлением международных кредиторов многие ее элементы были демонтированы, но многие – сохранились.

Исследовательская повестка дня.

Несмотря на бурное развитие так называемой development economics проблема динамики рентных доходов и их взаимосвязи с политической динамикой отдельных стран остается практически неразработанной.

Причем примерно понятно как устроена эта система в авторитарных государствах (латиноамериканские военные режимы или пожизненные президентства в Африке). Здесь центральная власть жестко контролирует все значимые источники рент.

Однако такие режимы постепенно уходят в прошлое и сменяются более открытыми плюралистическими демократиями. Интересно было бы проследить, как переход к открытым политическим режимам влияет на динамику коалиции элит и на вызревание базовых предпосылок для перехода к порядкам свободного доступа, при том, что в некоторых странах предпосылки для перехода к порядку свободного доступа формировались в условиях достаточно жестких авторитарных режимов (Южная Корея, Чили, Испания, Португалия).

Еще одна тема, связанная с системой рентных доходов. Отдельные элементы этой системы присутствуют в порядках свободного доступа. (Наиболее распространенный случай – аграрные субсидии). Почему эти пережитки порядков ограниченного доступа оказываются такими исторически устойчивыми? Насколько политические системы в порядках свободного доступа способны контролировать группы влияния, связанные с рентными потоками? И не коррумпируют ли эти группы влияния сами порядки свободного доступа? (Здесь мы возвращаемся к теме долгосрочной устойчивости порядков свободного доступа)

Наконец, очень интересным вопросом является политическая неоднородность федеративных и многонациональных государств. Гипотеза, требующая проверки состоит в том, что в рамках одного федерального или многонационального государства могут одновременно сосуществовать порядок ограниченного доступа и порядок свободного доступа или, по крайней, мере сочетаться элементы базисного и зрелого естественных государств. Например, как с этой точки зрения выглядят Север и Юг Италии, Андалусия и Страна Басков, южные штаты Бразилии.

Порядки ограниченного доступа и проблемы реформаторов.

Как отмечают Норт, Уоллис и Вайнгаст, отличительной особенностью порядков свободного доступа по сравнению с порядками ограниченного доступа являются не столько более высокие темпы роста, сколько большая стабильность экономического роста. Действительно, в периоды подъема темпы роста в экономиках стран с порядком ограниченного доступа и порядком свободного доступа вполне сравнимы, зато спады и депрессии в порядках ограниченного доступа являются более глубокими и продолжительными, чем в странах с порядками свободного доступа.

Эти различия особенно ярко проявились в семидесятые годы после отмены золотого стандарта. Переход к плавающим валютным курсам резко усилил инфляционные тенденции даже в развитых странах, а в

ряде развивающихся стран на фоне долгового кризиса развилась устойчивая высокая инфляция, сопровождающаяся большой политической нестабильностью. Достаточно быстрый экономический рост, характерный для 50-70-х годов сменился длительной стагнацией. Восьмидесятые годы стали, например, для Латинской Америки потерянными десятилетием (среднегодовые темпы роста составили около 1 процента).

В этих условиях произошла серьезная переоценка ценностей среди экономистов и политиков, как в развитых, так и в развивающихся странах. Стало ясно, что жесткая бюджетная и кредитно-денежная политика в духе ранних программ МВФ являются необходимым, но вовсе не достаточным условиям поддержания финансовой стабильности, а иногда такая политика просто не может быть реализована без так называемых «структурных» мер, под которыми МВФ и Мировой Банк подразумевают институциональные изменения.

В это время также стала притчей во языцех неэффективность функционирования крупных национализированных компаний и госкорпораций, а концепции импортозамещения и опоры на собственные силы доказали свою полную практическую непригодность.

Наконец, в начале восьмидесятых годов американское правительство по ряду причин отказалось от поддержки военных и авторитарных режимов и объявило о поддержке свобод и прав человека по всему миру.

В этих условиях сложился так называемый Вашингтонский консенсус, который по сути представлял собой концепцию экспорта институтов порядков свободного доступа в страны с порядками ограниченного доступа.

Надо отметить, что идеи Вашингтонского консенсуса разделялись не только и не столько чиновниками МВФ и Всемирного Банка, сколько значительной частью элит развивающихся стран, стремящейся к стабилизации политических режимов, преодолению высокой инфляции и возобновлению экономического роста.

Отношение Норта, Уоллиса и Вайнгаста к экспорту институтов является жестко отрицательным. По их мнению, в подавляющем большинстве стран с порядками ограниченного доступа не созрели предпосылки для перехода к порядкам свободного доступа. В этих условиях заимствование институтов порядков свободного доступа оказывается бесполезным, а часто и деструктивным, поскольку заимствованные институты подрывают механизмы, обеспечивающие политическую стабильность, и способствуют нарастанию беспорядка.

По этой причине политические рекомендации Норта, Уоллиса и Вайнгаста состоят в том, что надо проводить экономические и политические преобразования в логике порядков ограниченного доступа, с тем чтобы постепенно создавать пороговые условия для перехода к порядкам свободного доступа.

Рекомендации эти таковы.

- во-первых, минимизация фактического насилия за счет вовлечения всех организаций, способных применять насилие, в систему распределения ренты.

- во-вторых, это расширение принципа верховенства права, формулирование прав элит на безличном уровне.

- в-третьих, обеспечение со стороны государства достоверности контрактов и стабильности отношений между негосударственными организациями.

С этим трудно спорить, однако также трудно себе представить практические выводы из этих рекомендаций.

Вообще реформирование порядков ограниченного доступа представляет собой огромную проблему по ряду причин. Во-первых, здесь отсутствует субъект преобразований. Коалиция элит представляет собой динамический компромисс ведущих политических сил страны. Любые масштабные политико-экономические изменения угрожают этому компромиссу. Одной части элит они могут быть выгодны, другой части – нет. Преобразования разрушают компромисс и создают угрозу общественной стабильности.

Вторая, фундаментальная причина, состоит в том, что конституции и законодательство большинства стран сформулированы как конституции и законодательства, соответствующие порядкам свободного доступа. Это значит, что существуют формальные институты, соответствующие институтам порядков свободного доступа, и есть фактические (теневые) институты, действующие по принципам порядков ограниченного доступа.

Причем большинство программ реформирования экономики формулируется в терминах формальных институтов, и даже диагностика проблем ведется в терминах формальных институтов. Написанные подобным образом программы в значительной части вообще не реализуемы: в той части, в которой они реализуются – чаще всего приводят к непредвиденным результатам.

Авторы программ прекрасно понимают, как на самом деле устроена экономика, они живут не в безвоздушном пространстве, но для систематического описания экономических реалий нет подходящей терминологии. Я бы охарактеризовал эту ситуацию, как «институциональное двоемыслие».

Проблема совсем непроста. Рассмотрим одно из основных различий между порядками ограниченного доступа и порядкам свободного доступа. В системах с порядками ограниченного доступа принципиально отсутствует статусное равенство, элиты имеют привилегии, остальное население их не имеет. Как этот факт может найти отражение в законодательстве 21 века, с учетом того, что принцип равенства был провозглашен в конце 18 века и с тех пор лежит в основе современных правовых систем?

Приведем небольшой пример. С точки зрения юридической техники довольно легко было написать в 1762 году «Манифест о вольности дворянства», который, в совокупности с позднейшей «Жалованной грамотой» 1785 года, зафиксировал такие привилегии сословия, как личную свободу, частную собственность, неприкосновенность личности и фактически означал преобразование естественного государства из хрупкого в базисное.

Подобный текст, фиксирующий привилегии элиты, сейчас написать технически невозможно (за некоторыми исключениями типа депутатской неприкосновенности). Поэтому почти все привилегии элиты и механизмы, их обеспечивающие, находятся в сфере теневого права, в сфере понятий и договоренностей.

Идея развития институтов внутри естественного государства упирается именно в эту проблему – раз институциональные изменения должны затрагивать теневые институты, они не могут быть кодифицированы и должны касаться именно что системы понятий и договоренностей.

По сути, с точки зрения формирования предпосылок для перехода к

порядкам свободного доступа речь здесь идет о кодексе поведения, который симулировал бы верховенство права для элит и потом мог бы быть институционализирован в процессе перехода к порядку свободного доступа.

Такой кодекс, наверное, может быть сформулирован и одобрен элитами. Ключевая проблема здесь – правоприменение. Поскольку в теневых правовых системах нет официального правоприменения, здесь очень велик стимул для оппортунистического поведения, которое этот кодекс быстро разрушит.

Чтобы такая теневая система работала, нужно иметь что-то типа теневого квазисудебного механизма по мотивам «крестных отцов» и «воров в законе». Я плохо представляю, как может выглядеть такой механизм в современных естественных государствах.

Переход к порядкам свободного доступа и проблемы судебной системы.

Как мы уже упоминали выше, говоря о пороговых условиях перехода к порядкам свободного доступа, одним из таких условий является централизованный политический контроль над вооруженными силами и вообще над силовыми структурами.

Второе кажется более важным, чем первое. Действительно, армия изначально заточена на решение внешних проблем и в современных условиях необходимы чрезвычайные обстоятельства для того, чтобы армия вмешалась во внутреннюю политику. Вообще военные перевороты вышли из моды.

Зато другие силовые структуры, как правило, значительно глубже погружены в гражданскую жизнь и имеют гораздо больше возможностей участвовать в дележке ренты. Политический контроль над неармейскими силовыми структурами по сути выводит эти структуры из системы торга по поводу распределения ренты.

Это вообще-то трудно представить с учетом технических возможностей современных спецслужб. Трудно также представить конфигурацию коалиции элит, которой это было бы по силам.

Однако эта проблема хотя бы теоретически решаема. А вот как быть с судебной системой? Дело в том, что Норт, Уоллис и Вайнгаст вообще не упоминают судебную систему как инструмент насилия, а между тем в современных обществах большая часть легального насилия осуществляется по решению судов (исключение – часть административных правонарушений).

Непонятно, что такое централизованный политический контроль над судебной системой в рамках порядков ограниченного доступа – вряд ли это может трактоваться как назначение судей победившей на выборах политической партией. Такие назначения немедленно станут фактором разложения судебной системы.

Здесь, по-видимому, подразумевается независимость судов, обеспечиваемая длительными или вообще бессрочными мандатами судей, сложными процедурами отбора и утверждения кандидатов и т.п. Однако в естественных государствах независимость государственного органа (в данном случае судебной системы) не приводит к улучшению его работы, а только увеличивает его возможности по присвоению ренты.

Фундаментальная проблема состоит в том, что порядки ограниченного доступа являются по сути неправовыми государствами. Элиты изначально имеют привилегии, и судьи (которые тоже часть

элиты) принимают решения, сообразуясь с этими неформальными привилегиями безотносительно того, что написано в законодательстве.

Разумеется, судебный процесс является состязательным, и противозаконное решение суда может быть оспорено вплоть до Верховного Суда. И роль Верховного Суда здесь ключевая.

Теоретически Верховный Суд может занять жесткую позицию, в массовом порядке отменяя решения нижестоящих судов.

Такому поведению помешают следующие факторы:

1. Кастовая солидарность. Судьи Верховного Суда по большей части рекрутируются из судей нижестоящих судов. С какой стати, попав в Верховный Суд, они станут вести себя иначе, чем вели себя раньше?

2. Судебная система сама по себе встроена в коалицию элит и для прочих частей коалиции является одним из важных инструментов распределения ренты. Поэтому попытка Верховного Суда работать по правилам создаст сильнейший конфликт внутри элиты.

3. "Независимость" судебной системы создаёт несимметричную функцию выгоды для судей. Принимая противозаконные решения, суды участвуют в дележке ренты. При этом отмена их решений вышестоящими судами не только не лишает их ренты, но вообще не грозит наказаниями - снять судью с должности практически невозможно.

В общем, эта система замкнута и самодостаточна. В обществе, находящемся на пороге перехода к порядку свободного доступа, она выступает важнейшим тормозящим фактором такого перехода, постоянно воспроизводя паттерны порядков ограниченного доступа.

Переход к новой системе правосудия, соответствующей порядкам свободного доступа, проходит через тяжелые кризисы возникающие при рассмотрении так называемых резонансных дел. В качестве примера Норт, Уоллис и Вайнгаст приводят дело Дрейфуса. На слуху у многих находится также ряд процессов в Верховном Суде США, связанных с расовым равноправием.

Надо заметить, что судебные реформы гораздо легче было проводить в 19 веке, когда универсальная система судопроизводства заменяла устаревшую сословную систему. В частности успех судебной реформы Александра II во многом был связан с тем, что реформа осуществлялась практически "с чистого листа".

В 21 веке такие реформы осуществлять трудно. Структура и правила функционирования судебной системы формально полностью соответствуют стандартам порядков свободного доступа. В этой ситуации проблема состоит в одновременном изменении стимулов, убеждений и привычек всего судейского корпуса.

Новая теория административных рынков.

Любые конструктивные предложения касающиеся реформирования социально-экономических систем с порядками ограниченного доступа должны быть сформулированы на языке, адекватно отражающем особенности функционирования этих порядков. Таким языком не может быть язык современного экономического мейнстрима, отражающий логику порядков свободного доступа; этим языком не может быть бытовой язык описания экономической реальности в терминах "распил, откат, занос".

Некоторые аналогии могут быть проведены с теорией административных рынков, возникшей в середине 80-х гг. для описания советской экономической реальности. Эта реальность не могла быть адекватно понята ни в терминах плановой экономики, ни на уровне бытовых анекдотов о шести противоречиях развитого социализма. Только язык теории административных рынков, рассматривающий власть как один из ресурсов, участвующих в квазирыночных обменах позволил диагностировать окружающую действительность и понять перспективы развития.

Поскольку в порядках ограниченного доступа собственность также не отделена от власти, как и в советской экономике может идти речь о конструировании расширенной теории административных рынков, изучающей правила обмена ресурсами в рамках коалиции элит в порядках ограниченного доступа.

Основными задачами в процессе построения такой теории станут изучение состава и динамики коалиции элит, определение ресурсной основы отдельных групп элиты, исследование механизмов формирования и поддержания привилегий этих групп, а также механизмов обмена властных, правовых, информационных и материальных ресурсов.